

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.С. ИОНИН – ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ИСТОРИК АРГЕНТИНЫ

В.П. Казаков

Центр латиноамериканских исследований
Институт всеобщей истории РАН
Ленинский пр-т, 32а, Москва, Россия, 119991

Статья посвящена исследованию взглядов А.С. Ионина, который был не только первым российским послом в Аргентине, но и первым русским историком этой страны, высказавшим о ней собственное мнение, которое можно рассматривать как оригинальную концепцию, отличную во многих отношениях от изложенной аргентинскими историками.

Ключевые слова: А.С. Ионин, диктатура Росаса, президентское единодержавие.

Александр Семенович Ионин, сыгравший видную роль в установлении дипломатических отношений между Россией и Аргентиной, стал первым русским историком этой страны. Аргентине Ионин посвятил основную часть второго тома своего труда «По Южной Америке» (1) и две статьи: «Крах в Аргентинской республике» и «В Аргентине», опубликованных в журнале «Русский вестник» в 1895 г. (2) и посвященных экономическому и политическому кризису в Аргентине в начале 1890-х гг.

Труд Ионина создавался в то время, когда в самой Аргентине началось познание своего прошлого, получила развитие национальная историография, сложилась «классическая», или либерально-позитивистская, школа исторических исследований во главе с Бартоломе Митре и Висенте Фиделем Лопесом. В их концепции история независимой Аргентины представляла в черно-белом свете. Если к светлому героическому периоду аргентинской истории относилась Война за независимость и деятельность ее руководителей Мануэля Бельграно и Хосе де Сан-Мартина, то установившаяся вскоре после завоевания независимости диктатура Хуана Мануэля де Росаса трактовались как возврат к колониальным порядкам, являлась темной, мрачной страницей аргентинской истории.

В 1880–1890-е гг. началась и ревизия «классической» оценки диктатуры Росаса в работах ученика Митре Адольфо Сальдиаса, а также историка Эрнесто Кесады. Это также было время подведения первых итогов начавшейся модернизации Аргентины, поиска причин отсталости южноамериканских стран, которые аргентинский мыслитель Доминго Фаустино Сармьенто усматривал в расовом факторе. В то же время другой аргентинский мыслитель Хуан Баутиста Альберди ключ к объяснению аргентинской истории искал в экономике, в противоречиях между провинциями и Буэнос-Айресом.

В такой обстановке историографических и идейных споров Ионин постарался самостоятельно разобраться в особенностях исторического развития Аргентины. Его труд не стал пересказом работ аргентинских историков. Ионин постарался дать собственную оценку главным этапам истории Аргентины: колониальному режиму; войне за независимость; диктатуре Росаса; социально-экономическим и политическим процессам, развернувшимся в стране после свержения Росаса; международному положению Аргентины; перспективам ее дальнейшего развития.

В чем-то он соглашался с историками, в чем-то нет. Но всегда это был взгляд заинтересованного человека, старающегося понять историю страны. Ионин не был профессиональным историком, но в России он стал первым, кто попытался дать концепцию аргентинской истории. Ионин отвергал европоцентристский взгляд на историю южноамериканских стран. По его мнению, нельзя изучать историю этих стран, основываясь на европейском опыте, так как с самого начала они имели собственную историю. Он не придавал большого значения расово-биологическому фактору – он считал: не раса, а исторические условия определяли развитие этих стран.

Решающее влияние на складывание самих исторических условий, по мнению Ионина, оказывал географический фактор. Это показано автором на примере истории Перу и Ла-Платы – будущей Аргентины. Целью завоевания Перу были золото и серебро. Напротив, при овладении Ла-Платой конкистадоры преследовали главным образом политические цели: не допустить, чтобы другие державы обосновались здесь.

Интерес к этим землям у испанцев пробудился с развитием скотоводства. Для Ионина при объяснении исторического процесса вслед за географическим фактором первостепенную роль играл экономический. «Быки оказались гораздо более верным и бесспорным источником богатства, чем золото и серебро Перу» (3).

Скотоводческая ориентация экономики Ла-Платы привела к складыванию своеобразного общественного строя, отличного как от рабства, так и от крепостничества. Ионин называл его «новой социальной формой», «своеобразным видом новой гражданственности», где «оседлый житель города, торговец, помещик пользуется трудом гаучо, не поработав его, как поработил бы он земледельца, и где номад остался господином страны, несмотря на то, что он де-юре перешел во владение оседлого жителя» (4). Стоит оценить эту

характеристику общественного строя Ла-Платы, которая являлась новаторской для своего времени, поскольку среди немалой части историков бытовало мнение о безусловно феодальных порядках в этой части Испанской Америки.

Отделение Аргентины от Испании произошло в ходе Войны за независимость, которую Ионин называет революцией против Испании. Революцию породил целый комплекс причин, главной из которых являлась экономическая торговая монополия Испании. «Эта монополия, – отмечал Ионин, – была источником тяжелого положения и медленного развития всех испанских колоний» (5). С вторжением Наполеона в Испанию все противоречия всплыли на поверхность. Свобода торговли стала всеобщим требованием. «Это право было уже само по себе фактическим отделением колонии от метрополии» (6). Революция произошла 25 мая 1810 г.

Ионин, убежденный монархист, одобрял попытку части патриотов установить в стране монархию. Он считал, что «колония, составленная из столь разнородных элементов и столь еще не развитая, не может жить и процветать при республиканском правлении, и что ей нужна монархическая власть» (7).

Неудача с установлением монархии стала, по мнению Ионина, главной причиной последующих смут и неурядиц как в этой, так и в других бывших испанских колониях. От них выгодно отличалась Бразилия, которая стала империей и, несмотря на все свои недостатки, избежала анархии.

Освобождение от Испании не принесло мира. В стране начался период гражданских войн. На поверхности борьба шла за выбор формы государственного устройства: унитарной или федеральной. Но в своей основе борьба унитариев и федералистов носила социальный характер. Фактически Ионин предвосхитил выводы, к которым пришли историки: в основе гражданских войн, сотрясавших Аргентину на протяжении большей части XIX в., лежали экономические причины, прежде всего противоречия между провинциями и Буэнос-Айресом.

Ионин вышел на ключевую проблему, которая в полной мере оказалась в центре внимания историков только в XX столетии: Война за независимость была лишь отправной точкой длительного периода национально-государственной организации страны. Борьба унитариев и федералистов исчерпала себя, поставив страну на край гибели. Все это подготовило почву для появления диктатуры Росаса.

Для Ионина характерен исторический подход к оценке Росаса. Говоря о месте Росаса в аргентинской истории, Ионин сравнивал его с русским царем Иваном Грозным и французским королем Людовиком XI. Как и они, Росас стал объединителем страны, используя те же методы, что и эти монархи. Иными словами, по мнению Ионина, страна должна была пройти в своем развитии этап абсолютизма, пускай и не королевского и царского, поскольку либерализм для нее оказался утопией.

Эта оценка Ионина перекликается с мнением Альберди, его концепцией «республики возможной», т.е. президентской диктатуры, когда для Аргентины, как и для других бывших испанских колоний, нужен был король под именем президента. Но если для Альберди эта «республика возможная» начиналась со свержением Росаса и носила переходный характер к республике «действительной, т.е. либерально-демократической», то Ионин первым истинным строителем аргентинского государства считал Росаса и был скептически настроен в отношении самой возможности существования в Аргентине либеральной демократии.

Причины падения Росаса, по мнению Ионина, носили как международный, так и внутренний характер. Ионин обращал внимание, что хотя именно при Росасе англичане приобрели большое политическое и экономическое влияние в стране, Росас при проведении внешней политики исходил из национальных интересов, как он их понимал. Ему не нравилось вмешательство европейских держав Англии и Франции в дела южноамериканских стран. Он был убежден, что Америка должна принадлежать американцам, и не собирался допускать иностранцев в богатый район Ла-Платы. Но ключи к обладанию Ла-Платой находились в Монтевидео. Для обеспечения независимости Америки следовало вернуть их Аргентине, так как сама независимость и нейтральность Уругвая не могли быть прочной гарантией и всегда зависели от прихоти могущественной Бразилии и европейских флотов.

Автор затронул чрезвычайно острый вопрос, который до последнего времени раскалывал историков на два полярных лагеря: отношения Аргентины с владычицей морей – Англией. Для одних именно Росас превратил Аргентину фактически в английскую колонию. Для других Росас – защитник национальной независимости, отразивший англо-французскую интервенцию. Как видим, автор склонялся к последней точке зрения, хотя и не скрывал факта господства английского капитала в аргентинской экономике. Так началась война за Уругвай, принявшая затяжной характер, что вновь возбудило на время заглушенные противоречия между Буэнос-Айресом и провинциями, прежде всего Энтре-Риос, губернатор которой Х.Х. Уркиса восстал против Росаса и при поддержке Бразилии сверг его.

Ионин коснулся еще одного важнейшего вопроса, который он, однако, подробно не разбирает: действия Уркисы подрывали основу диктаторской власти Росаса – торговую монополию Буэнос-Айреса. К этим причинам вражды присоединилось и открытое несогласие в политических делах и вопросах, поскольку Уркиса стремился к созыву национального конгресса с целью организации страны на конституционных принципах.

Мнение Ионина о Росасе как аргентинском Иване Грозном совпадает с выводами аргентинского историка Кесады, сравнившего его с Людовиком XI. Речь идет о совпадении, а не о заимствовании, поскольку труд Кесады «Эпоха Росаса» был опубликован в 1898 г., т.е. спустя шесть лет после выхода в свет второго тома книги Ионина.

Исследователи расходились в оценке результатов централизаторской деятельности Росаса. Если Кесада рассматривал их как необратимые, заложившие прочное основание для аргентинского общества, то Ионин считал успех Росаса временным, исчезнувшим вместе с ним. «Ни гаучо, ни доктринеров Буэнос-Айреса, конечно, нельзя было за 18 лет времени переделать и перевоспитать. Здесь время власти Росаса не могло иметь того значения, какое имело для Росаса время Петра Великого или Иоанна Грозного» (8).

После свержения Росаса в стране вновь наступил хаос. На этот раз страну усмирил не новый диктатор, а начавшееся бурное экономическое развитие. Ионин выделял два главных фактора, его обусловивших. Большую роль в замирении страны сыграла парагвайская война. Принявшая невиданные до той поры в Южной Америке размеры, она потребовала развития хозяйства для снабжения воюющих армий. Вторым важным фактором стало завоевание пустыни – освобождение южных и северных территорий от индейских племен в результате военной экспедиции во главе с генералом Х.А. Рока.

Российский исследователь подчеркивает экономические причины усиления центральной власти. Получив в свое распоряжение богатые и обширные пустые земли, центральная власть приобрела «главный рычаг богатства и влияния на провинции и сделалась сильнее их вместе взятых». Централизации страны способствовала и федерализация Буэнос-Айреса – отделение города от провинции и превращение его в постоянную столицу, а также национализация таможни, «единственного порта и складочного торгового пункта всей страны» (9).

Оценка Ионина созвучна, но далеко не во всем, концепции Альберди. Суть этой концепции в следующем: завоевание независимости не освободило страну от экономического угнетения. На место Испании пришла новая метрополия – Буэнос-Айрес, чья торговая монополия душила развитие страны. И лишь федерализация Буэнос-Айреса положила этому конец.

Как видим, Ионин также не отрицал важную роль в замирении страны федерализации Буэнос-Айреса, но решающее значение придавал получению центральным правительством огромного фонда свободных земель. Происшедшие в стране перемены отразились на ее внешнеполитическом положении, в страну хлынул иностранный капитал: «Европа стала переселяться в пампу» (10). В истории Аргентины открылась новая страница. Генерал Рока, по словам Ионина, «стал президентом новой эпохи». В политической области «новая эпоха» ознаменовалась «установлением абсолютной власти президента – единодержавия».

Ионин дает экономическое объяснение установившимся в стране политическим порядкам. В основе начавшегося экономического бума лежала земельная спекуляция, которая пришла на смену «прежней розни и революции» и способствовала замирению страны, прекращению розни и объединению всех вокруг новых источников дохода. Настоящим объединением стра-

ны стали деньги. «Да, деньги! – восклицал Ионин. – Это, кажется, лучший, если не единственный цемент республики!» (11).

Дипломат проводит параллель между президентским единодержавием и диктатурой Росаса. Оно преследовало те же цели, что и Росас, только использовало при этом другие, ненасильственные, методы для объединения страны. «Единство страны снова установилось, только в другой современной форе. Банды гаучо... заменились акционерными компаниями. Полудикари с лассо у седла заменились авантюристами с прожекторами в кармане...», «...потоки крови заменились потоками ассигнаций» (12). Ионин задавался вопросом о сопротивлении народа «такому порядку вещей», его «грозном восстании» и считал его невозможным. Более вероятным ему представлялась не революция, а финансовый крах, который и произошел в 1890 г.

Страну поразил экономический, а вслед за ним и политический кризис. В трактовке Ионина вооруженные восстания 1890 и 1893 гг. являлись революциями, причем если первая из них была плохо подготовлена и не вышла за пределы Буэнос-Айреса, то революция 1893 г. охватила основные районы страны и впервые вовлекла в борьбу иммигрантов. Симпатии русского дипломата были целиком на стороне правительства, которое сумело подавить эти выступления. Спасение Аргентины Ионин видел, как и прежде, в укреплении президентского единодержавия, которое одно было способно, по его мнению, уберечь страну от хаоса и анархии, поэтому в Аргентине не существовало дилеммы: диктатура или демократия. Как показали революции, на смену диктатуре приходят хаос и анархия.

Значительное внимание Ионин уделяет межамериканским отношениям, в частности внешней политике Аргентины. Ему ясна вся сложность и противоречивость тенденций, определявших международную позицию Аргентины. Экономическая зависимость от Европы вела к зависимости в области дипломатии и политики. У страны не было достаточных материальных и финансовых ресурсов, чтобы освободиться от зависимости от Европы. Вместе с тем ученый полагал, что в будущем в межамериканских отношениях возобладают центристремительные тенденции, что позволит эффективно противостоять Европе. Он считал, что наилучшим средством для этого было бы создание подобия Соединенных Штатов Южной Америки. Но это в будущем. А пока речь шла о создании панамериканской системы, в которой Ионин видел орудие США для подчинения южноамериканских стран своему влиянию. Ионин замечал, что «судя по программе конгресса, собравшегося в Вашингтоне в 1889 г., он должен был вырвать весь американский материк из рук европейских эксплуататоров и передать его в руки эксплуататоров североамериканцев» (13).

Посетив Мальвинские острова, Ионин посчитал незаконной их оккупацию Англией. По его мнению, история с Мальвинами демонстрировала, что в международных отношениях принципы и исторические права играли все меньшую роль, уступая место голой силе.

В заключение необходимо отметить, что для исторической науки Ионин оставил богатое наследие. Содержащийся в его труде анализ исторического прошлого южноамериканских народов, наблюдения и оценки современных ему событий и государственных деятелей стран, в которых он побывал, до сих пор представляют интерес для всех занимающихся проблемами Латинской Америки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Ионин А.С.* По Южной Америке. – СПб., 1892–1902. – Т. 1–4.
- (2) *Русский вестник*. – СПб., 1895. – Т. 236. – № 1. – С. 55–80; Там же. – Т. 237. – № 4. – С. 3–51.
- (3) *Ионин А.С.* По Южной Америке. – Т. 2. – С. 161.
- (4) Там же. – С. 157.
- (5) Там же. – С. 164.
- (6) Там же.
- (7) Там же. – С. 168.
- (8) Там же. – С. 203.
- (9) Там же. – С. 220.
- (10) Там же.
- (11) Там же. – С. 274.
- (12) Там же. – С. 271.
- (13) *Ионин А.С.* По Южной Америке. – 2-е изд. – СПб., 1903. – Т. 3. – С. 371.

ALEXANDER IONIN – THE FIRST RUSSIAN HISTORIAN OF ARGENTINA

V. Kazakov

Centre for Latin American Studies
Institute of World History
Russian Academy of Sciences
Leninsky Ave., 32a, Moscow, Russia, 119991

This article is dedicated to the study of the views of Alexander Ionin, who was not only the first Russian ambassador in Argentina, but also the first historian of this country. His concepts on Argentine history differed in some aspects from those espoused by the Argentine historians.

Key words: A. Ionin, dictatorship of Rosas: presidential absolutism.